

карлики, и что ихъ троихъ одна баба вилами закинетъ¹⁾ ды-
шутъ кабацкимъ баухальствомъ и говорятъ о дѣйствительномъ
ничтожествѣ этого человѣка передъ историческимъ событіемъ. Въ
сценѣ убийства толпой Верещагина Растопчинъ беспомощно топ-
чется передъ толпой, безсильный сперва вызвать ее на преступ-
леніе, а затѣмъ остановить ее отъ уже начавшагося, помимо его
участія, убийства.

Толстой обрисовалъ цѣлую галлерею историческихъ лицъ, изъ
которыхъ мы выдѣлили Наполеона, Сперанскаго и Ростопчина—
трехъ представителей хищнаго, завоевательнаго героизма, само-
увѣренno вмѣшивающагося въ историческій процессъ, чтобы за-
ставить его двигаться въ желательномъ ему направлѣніи.

Толстой борется противъ этого дѣятельнаго героизма всей си-
лой своего глубокомыслія и художественнаго творчества. Въ На-
полеонѣ онъ видитъ крупнаго преступника, чуждаго человѣчности,
увѣренного въ силу силы, а въ сущности „предназначенаго Про-
видѣніемъ на печальнную, несвободную роль палача“; Сперанскій
рисуется Толстымъ какъ человѣкъ упорно, собственными силами
добившійся руководительства, увѣренный „въ силу и законность
ума“, но безполезный для народа; въ Растопчинѣ, наконецъ, онъ
видитъ инициативную бездарность, полное, но крикливое ничто-
жество.

Теоретическій выводъ о роли личности въ исторіи художе-
ственno дополненъ и этически отвергнутъ. Вмѣшательство въ
историческій процессъ порождаетъ преступность, безполезность
или ничтожество.

III.

Каковъ же положительный идеалъ историческаго вмѣшатель-
ства, насколько оно вообще допустимо?

Для рѣшенія этого вопроса Толстой обратился къ народу, къ
исторіи въ ѿхъ, о которой онъ уже говорилъ въ своей теоріи
исторії.

Выше мы указывали на то, что Левъ Толстой въ своей эпо-
пѣ останавливается главнымъ образомъ на прагматической сто-
ронѣ эпохи. Это положеніе вѣрно постольку, поскольку теорети-
ко-исторические взгляды яснополянского мыслителя основываются
именно на этой сторонѣ, обходя какъ бы органическое теченіе
исторії. Но нельзя сказать, что въ „Войнѣ и Мирѣ“ отразилась
только одна военная, прагматическая исторія, тутъ отразилась
эпоха и съ другой стороны, а именно, со стороны психологіи

¹⁾ Ibid. T. III стр. 217.